

Мой дорогой Робинсон,
эта история обязана своим возникновением вашему пересказу легенды Западных графств. За нее и за помощь со всеми деталями — моя благодарность.

Искренне ваш,

А. КОНАН ДОЙЛЬ.

*Хайндхед,
Хейзелмир*

Глава I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс, спавший обычно допоздна и встречавший утро на ногах лишь в тех нередких случаях, когда не ложился всю ночь, сидел за завтраком. Я, стоя на коврик перед камином, держал трость, которую забыл накануне вечером наш посетитель: красивую и основательную, из цельного дерева, с набалдашником в форме луковицы, из тех, что называют «пенангский защитник». Под самым набалдашником виднелся серебряный поясок шириной в дюйм. На нем была выгравирована надпись: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. К. X.¹, от друзей по Ч. К. Г.» — и дата: «1884». Типичная трость старомодного семейного врача — солидная, надежная, внушающая почтение.

— И что вы о ней думаете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной, и я ни словом не обмолвился о том, чем занимаюсь.

— Как вы догадались, что я рассматриваю трость? Похоже, у вас глаза на затылке.

— Хорошо отполированный посеребренный кофейник служит им сносной заменой, — отозвался Холмс. — Но скажите, Ватсон, что поведала вам эта трость? Поскольку визитер не застал нас дома и цель его прихода неизвестна, этот случайный сувенир обретает кое-какой интерес. Послушаем, что вы, судя по нему, скажете о хозяине.

— Думаю, — начал я, стараясь следовать методу моего приятеля, — доктор Мортимер — процветающий немолодой медик, ценимый коллегами: иначе ему не сделали бы такого подарка.

— Хорошо! — сказал Холмс. — Отлично!

— По всей вероятности, он практикует за городом и довольно часто навещает пациентов пешком.

— Почему так?

¹ Член Королевской коллегии хирургов.

— Потому, что ни один городской врач не мог бы настолько износить эту прекраснейшую трость. Толстый железный наконечник сильно стерт, — очевидно, владелец исходил немало дорог.

— Очень разумно! — кивнул Холмс.

— Опять же, «друзья по Ч. К. Г.», как я догадываюсь, принадлежат к какому-то клубу какого-то графства. Вероятно, он оказывал его членам медицинскую помощь и они в знак благодарности преподнесли ему этот небольшой подарок.

— Поистине, Ватсон, вы превзошли самого себя. — Холмс, не вставая с кресла, отодвинулся от стола и закурил папиросу. — Должен сказать, ни один из отчетов, которые вы столь любезно посвящаете моим скромным достижениям, не воздает необходимой дани вашим собственным способностям. Блестать вы, положим, не блистаете, зато служите проводником света. Иные люди сами не обладают выдающимися талантами, однако мастерски умеют про-

буждать чужие. Признаюсь, дорогой друг, я очень многим вам обязан.

Прежде он ничего подобного не говорил, и, не скрою, я был очень польщен, ведь меня часто задевало равнодушие Холмса к моему восхищению и к моим попыткам ознакомить публику с его методами. И еще один повод для гордости: выходит, я освоил систему Холмса настолько, чтобы, применив ее на деле, заслужить его одобрение. Взяв у меня трость, он минут пять изучал ее невооруженным глазом. Явно заинтересовавшись, отложил в сторону папиросу, подошел к окну и заново осмотрел трость, на сей раз с помощью лупы.

— Любопытно, хотя и элементарно, — заметил Холмс, примостившись на свой любимый уголок дивана. — Кое-какие указания тут, безусловно, имеются. Это дает нам основу для некоторых выводов.

— Я что-то упустил? — спросил я не без самодовольства. — Надеюсь, ничто существенное от меня не ускользнуло?

— Боюсь, мой дорогой Ватсон, бóльшая часть ваших заключений ошибочна. Говоря, что вы меня стимулируете, я, признаюсь, имел в виду, что временами ваши заблуждения указывают мне дорогу к истине. Но в данном случае вы отчасти правы. Владелец трости действительно сельский врач. И много ходит пешком.

— Получается, я судил верно.

— Да, но только в этом.

— Но выводы этим и ограничиваются.

— Нет-нет, дорогой Ватсон, вовсе не ограничиваются. Я бы, например, предположил, что подарок доктору преподнес скорее госпиталь, чем какой-то клуб какого-то графства, и что инициалы «Ч. К.» перед «госпиталем» естественно было бы расшифровать как «Чаринг-Кросский».

— Возможно, это верная догадка.

— Скорее всего. И, приняв ее за рабочую гипотезу, мы обретаем новую основу, чтобы выстроить образ нашего неизвестного посетителя.

— Ну хорошо, предположим, что «Ч. К. Г.» — это «Чаринг-Кросский госпиталь». Что еще мы можем из этого заключить?

— Разве это не очевидно? Вам известны мои методы. Так примените их!

— Мне приходит в голову лишь очевидный вывод, что мистер Мортимер, прежде чем переселиться в деревню, практиковал в городе.

— Думаю, мы вполне можем пойти еще дальше. Поразмыслите вот о чем. В каких случаях люди обычно получают подобные подношения? Когда друзья могли подарить мистеру Мортимеру в знак своего расположения эту трость? Разумеется, в тот день, когда мистер Мортимер покинул госпиталь, чтобы открыть частную практику. Мы знаем, что он получил подарок. Предполагаем, что доктор перебрался из городского госпиталя в деревню. Разве будет слишком смелым допущение, что подарок был приурочен к этой перемене обстоятельств?

— Вполне правдоподобно.

— Заметьте к тому же, что доктор Мортимер не мог быть штатным сотрудником госпиталя, поскольку туда принимают только медиков с солидной лондонской практикой, а такие в деревню переезжать не станут. Кто же он тогда? Если он работал в госпитале вне штата, значит был либо хирургом-практикантом, либо врачом-практикантом — статус немногим выше студента старших курсов. Уехал он пять лет назад — дата обозначена на трости. А стало быть, мой

дорогой Ватсон, ваш степенный семейный врач растворяется в воздухе и его место заступает молодой человек, еще не достигший тридцати лет, — дружелюбный, нечестолюбивый, рассеянный, любящий свою собаку, которая, по грубой прикидке, немного крупнее терьера, но мельче мастифа.

Я недоверчиво улыбнулся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и стал пускать к потолку зыбкие колечки табачного дыма.

— Что касается ваших последних утверждений, то их я проверить не могу, — сказал я, — но относительно возраста и профессиональной карьеры нашего посетителя мне нетрудно навести справки.

С моей скромной медицинской полки я снял «Врачебный справочник» и стал искать Мортимеров. Их оказалось несколько, но наведаться к нам мог лишь один. Я прочел справку вслух:

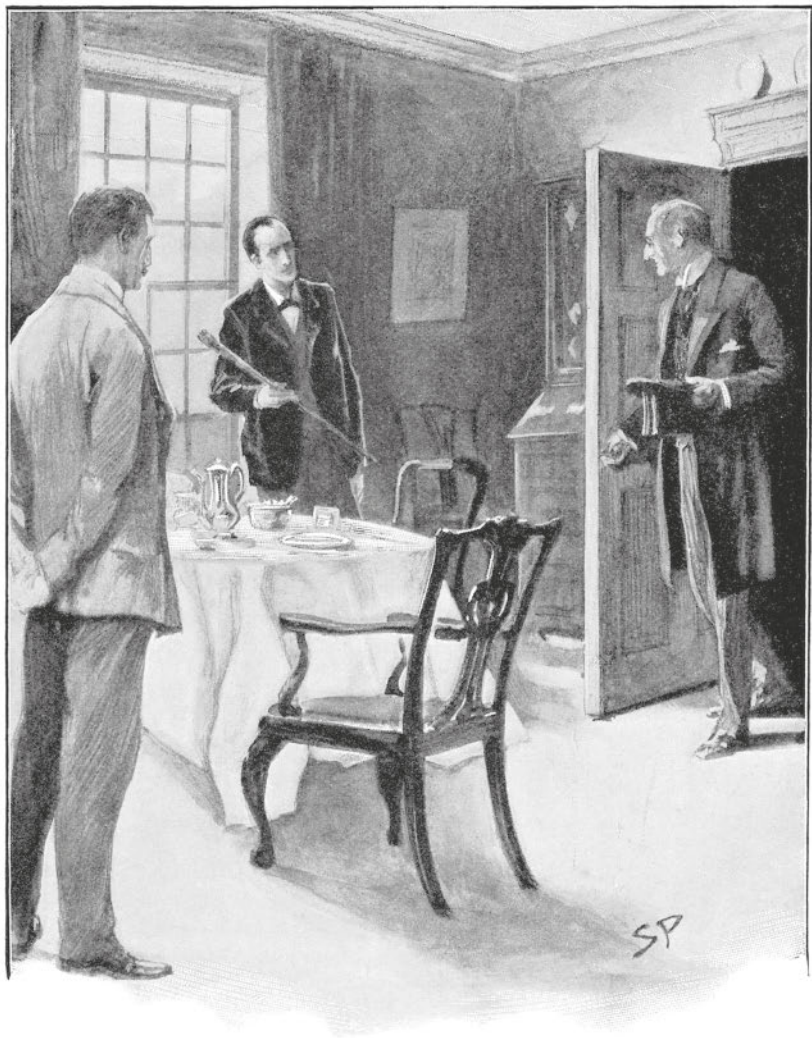
— «Мортимер, Джеймс, Ч. К. К. Х., тысяча восемьсот восемьдесят второй, Гримпен, Дартмур, Девон. С восемьдесят второго по восемьдесят четвертый — хирург-практикант в Чаринг-Кросском госпитале. Удостоен премии Джексона по сравнительной патологии за статью „Является ли болезнь реверсией?“. Член-корреспондент Шведского общества патологов. Автор статей „Некоторые случаи атавизма“ («Ланцет», тысяча восемьсот восемьдесят второй), „Прогрессируем ли мы?“ („Психологический журнал“, март восемьдесят третьего). Врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Барроу».

— О местных клубах, Ватсон, никаких упоминаний, — заключил Холмс, лукаво улыбаясь, — но насчет деревенского доктора вы оказались провидцем. Полагаю, мои умозаключения подтверждены. Что до черт характера, то, помнится, я сказал: «Дружелюбный, нечестолюбивый, рассеянный». Мой жизненный опыт свидетельствует: заслужить от коллег подобное подношение мог только человек дружелюбный; покинуть Лондон ради работы в деревне мог только человек, лишенный честолюбия; прождав в гостиной час, оставить там вместо визитной карточки свою трость мог только человек рассеянный.

— А что же собака?

— Собака носила за хозяином трость. Груз немалый, и собака плотно держала его зубами за середину, где видны четкие отметины. Судя по расстоянию между ними, челюсть, по-моему, великовата для терьера, но маловата для мастифа. Это может быть... а, ну да, это курчавый спаниель.

За разговором Шерлок встал и принялся расхаживать по комнате. Теперь же он остановился в оконной нише. Утверждение его прозвучало столь категорично, что я удивленно поднял глаза.

— Дружище, но почему вы так уверены?

— По той простой причине, что вижу эту собаку у самых наших дверей. А вот и звонит ее хозяин. Прошу, Ватсон, не уходите. Доктор Мортимер — ваш собрат по профессии, и мне может понадобиться ваша помощь. Вот он, Ватсон, переломный миг судьбы: на лестнице слышатся шаги, сейчас кто-то войдет в твою жизнь, а к добру или к худу — ты не знаешь. О чем попросит доктор Джеймс

Мортимер, человек науки, Шерлока Холмса, знатока криминалистики? Войдите!

Увидев посетителя, я удивился, потому что представлял себе типичного деревенского врача. Но доктор Мортимер оказался необычно высок и сухощав; длинный нос его походил на птичий клюв, за очками в золотой оправе сверкали серые, близко посаженные глаза. Одет он был, как принято у докторов, но притом довольно неряшливо: сюртук в пятнах, брюки обтрепаны. Несмотря на молодость, он уже сильно сутулился и при ходьбе вытягивал голову вперед, всем видом выражая внимание и доброе расположение. Войдя, он сразу заметил в руке Холмса трость и с ликующим возгласом кинулся к ней.

— Радость какая! — воскликнул он. — Я все гадал, где ее оставил, здесь или в паровой конторе. За все блага мира не согласился бы расстаться с этой тростью.

— Подарок, как я понимаю, — заметил Холмс.

— Да, сэр.

— От Чаринг-Кросского госпиталя?

— От двух-трех друзей, по случаю моей женитьбы.

— Боже, ну и досада. — Холмс покачал головой.

Доктор Мортимер в кротком изумлении захлопал глазами за стеклами очков.

— Что же тут досадного?

— Только то, что вы разрушили нашу цепь умозаключений. Женитьба, говорите?

— Да, сэр. Я женился и потому покинул госпиталь, а с ним все надежды стать врачом-консультантом. Необходимо было обзавестись собственным домом.

— Ну ладно, в конце концов, мы не так уж уклонились от истины. А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Мистер, сэр, мистер... скромный Ч. К. К. Х.

— И очевидно, человек с научным складом ума.

— Дилетант в науке, мистер Холмс. Подбираю ракушки на берегу этого таинственного и необъятного океана. Полагаю, я обращаюсь к мистру Шерлоку Холмсу, а не к...

— Мой друг доктор Ватсон сидит перед вами.

— Рад знакомству, сэр. Слышал вашу фамилию, ее упоминали в связи с вашим другом. Вы очень меня интересуете, мистер Холмс. Долихоцефалия, выступающие надбровные дуги — не ожидал. Вы не будете против, если я легонько пробежусь пальцами по вашей теменной борозде? Ваш череп, сэр, а вернее, до поры до времени его

слепок украсил бы коллекцию любого музея антропологии. Не хочу льстить, но признаюсь, ваш череп пробуждает во мне зависть.

Шерлок Холмс жестом пригласил нашего странного посетителя сесть.

— Замечаю, сэр, что в своем деле вы такой же энтузиаст, как я в своем. Судя по виду вашего указательного пальца, вы курите самокрутки. Закуривайте, не стесняйтесь.

Достав бумагу и табак, доктор Мортимер на удивление сноровисто скрутил папиросу. Его длинные ловкие пальцы постоянно подрагивали, как усики насекомого.

Холмс молчал, но то и дело мерил нашего необычного гостя милым взглядом, выдававшим немалый интерес.

— Вероятно, сэр, — произнес он наконец, — вчера вечером и нынче утром вы почтили нас визитом не ради изучения моего черепа?

— Нет, сэр, нет; хотя я рад случаю сделать попутно и это. Я явился к вам, мистер Холмс, поскольку сознаю, что в практической жизни довольно беспомощен, меж тем передо мной внезапно встала весьма серьезная и необычная проблема. Мне известно, что среди европейских специалистов вам принадлежит второе место...

— В самом деле, сэр? Могу я осведомиться, кто же в таком случае первый? — Вопрос Холмса прозвучал несколько резко.

— Для человека, мыслящего строго научно, весьма ценны работы месье Бертильона.

— Тогда не лучше ли вам обратиться за консультацией к нему?

— Я говорил, сэр, о строго научном мышлении. Но что касается практики, то тут, как повсеместно признано, вам нет равных. Надеюсь, сэр, я не задел нечаянно...

— Разве что самую малость. Полагаю, доктор Мортимер, вы поступите мудро, если без дальнейших отступлений подробно поведаете, отчего вам понадобилась моя помощь.

Глава II

ПРОКЛЯТИЕ БАСКЕРВИЛЕЙ

— У меня в кармане манускрипт, — начал доктор Джеймс Мортимер.

— Я это заметил, когда вы входили, — кивнул Холмс.

— Старинный манускрипт.

— Начало восемнадцатого века, если, конечно, не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Кончик, длиной дюйма два, торчит наружу, и, пока вы говорили, у меня была возможность его рассмотреть. Плох тот эксперт, который не способен датировать документ с точностью до полутора десятков лет. Может, вам попадалась на глаза моя монография по этой теме. Я отношу ваш манускрипт примерно к тысяча семьсот тридцатому году.

— Точная дата — тысяча семьсот сорок второй. — Доктор Мортимер вынул бумагу из нагрудного кармана. — Этот фамильный документ доверил мне сэр Чарльз Баскервиль; около трех месяцев назад его внезапная трагическая смерть потрясла весь Девоншир. Осмелюсь утверждать, я был не только его личным врачом, но и близким другом. Сэр Чарльз был человек умный, трезвый и практичный, и воображение имело над ним не большую власть, чем над мной. Однако же к этой легенде он относился очень серьезно и о том конце, который его постиг, догадывался заранее.

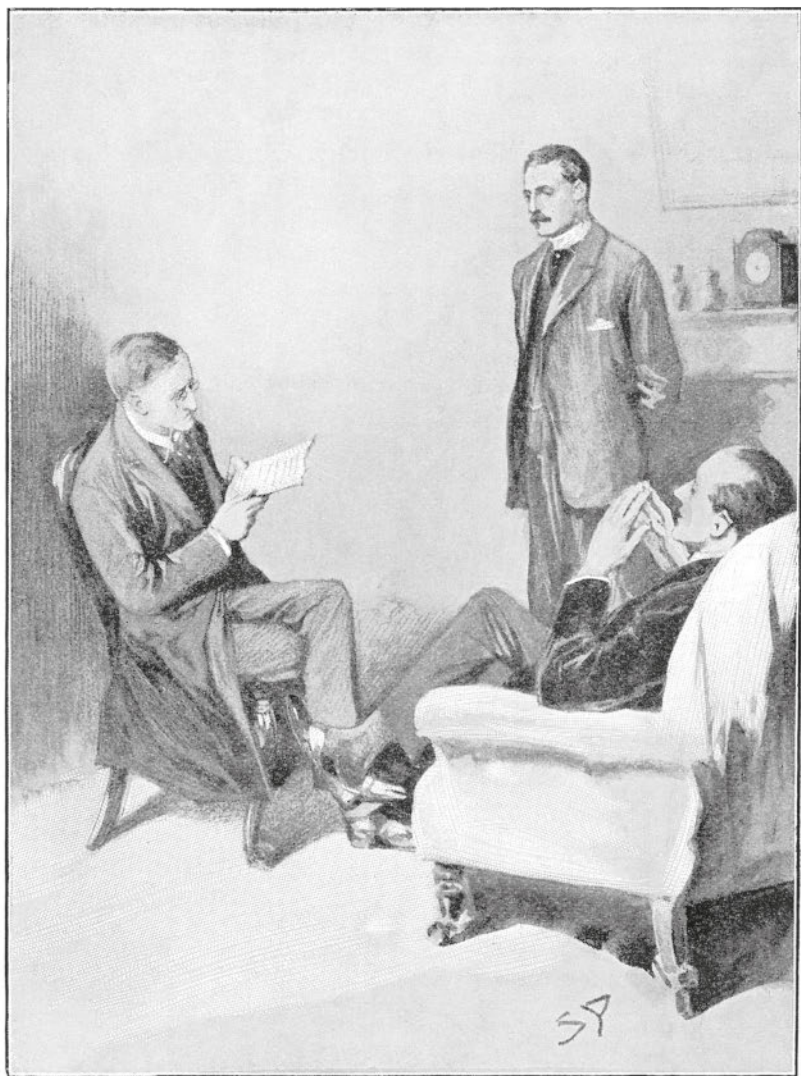
Холмс взял манускрипт и расправил его на колене.

— Обратите внимание, Ватсон, как чередуются длинные и короткие буквы «S». Это один из признаков, которые помогли мне определить дату.

Склонившись над его плечом, я стал рассматривать пожелтевшую бумагу и выцветшие литеры. В начале было обозначено: «Баскервиль-Холл», и ниже крупно и небрежно нацарапаны цифры: «1742».

— Похоже, здесь изложена какая-то история.

— Да, легенда, бытующая в семье Баскервиль.

— Но как я понимаю, консультация вам потребовалась по вопросу практическому и более современному?

— Самому что ни на есть современному. Вопрос практический и неотложный — его нужно решить в ближайшие двадцать четыре часа. Но манускрипт тесно с ним связан и много времени у вас не отнимет. С вашего разрешения я его зачитаю.

Холмс покорно откинулся на спинку кресла, соединил кончики пальцев и опустил веки. Доктор Мортимер поднес манускрипт к свету и высоким надтреснутым голосом начал читать написанный старинным слогом рассказ, который оказался весьма занимателен.

«Немало историй ходило о том, откуда взялась собака Баскервильей, но мне, прямому потомку Хьюго Баскервиля, рассказывал о ней отец, а ему в свою очередь дед, и посему, занося на бумагу нижеследующее повествование, я нимало не сомневаюсь в том, что оно верно с первого слова до последнего. И мне, сыны мои, хотелось бы внушить вам надежду, что Вышний Судия, карающий грешников, не чужд снисходительности и нет такого проклятия, против которого бессильны раскаяние и усердная молитва. Читая эту историю, не думайте со страхом о плодах прошлого, но учитесь быть осмотрительными в будущем, дабы не воскресить, себе на погибель, те нечистые страсти, что навлекли уже на наш род столь тяжкие бедствия.

Узнайте же, что во времена Великого Мятежа (настоятельно рекомендую вашему вниманию труд ученейшего лорда Кларендона о его истории) нашим поместьем владел отпрыск семьи Баскервиль по имени Хьюго — нрава, надобно признаться, самого необузданного и нечестивого. Соседи, по правде говоря, смотрели бы на это сквозь пальцы, ибо святых в наших краях сроду не водилось, не будь он притом дьявольски жесток и распутен, и так его имя сделалось притчей во языцех по всему Западу. Однажды названный Хьюго воспылал любовью (если заслуживает этого светлого наименования столь темная страсть) к дочери одного йомена, чье владение располагалось близ усадьбы Баскервильей. Однако юная девица, известная благоразумием и непорочностью, избегала Хьюго от страха перед его злым именем. И вот как-то на Михайлов день, зная, что йомена с сыновьями не будет дома, названный Хьюго, заручившись помощью полудюжины праздных и лихих сотоварищей, пробрался на ферму и похитил девушку. Воротившись, они заперли свою пленницу в комнате на верхнем этаже, а сами, как было у них в обычае, затеяли ночную пирушку. У бедняжки, запертой наверху, навверное, ум заходил за разум от доносившихся с нижнего этажа воплей и страшной божбы, ведь, по свидетельствам, Хьюго Баскервиль в винном чаду бранился так, что другого уже поразил бы гром. В страхе и отчаянии она решилась на то, на что не хватило бы духу у самого храброго, полного сил мужчины, а именно — спустилась вниз по плющу, тогда, как и сейчас, одевавшему южную стену дома,

и по вересковой пустоши бросилась бежать к отцовской ферме, которую отделяли от усадьбы три лиги.

Случилось так, что вскоре Хьюго покинул гостей, дабы накормить и напоить пленницу, а может и задумав что-то недоброе, но обнаружил, что клетка пуста и птичка улетела. Тут его, похоже, обуял

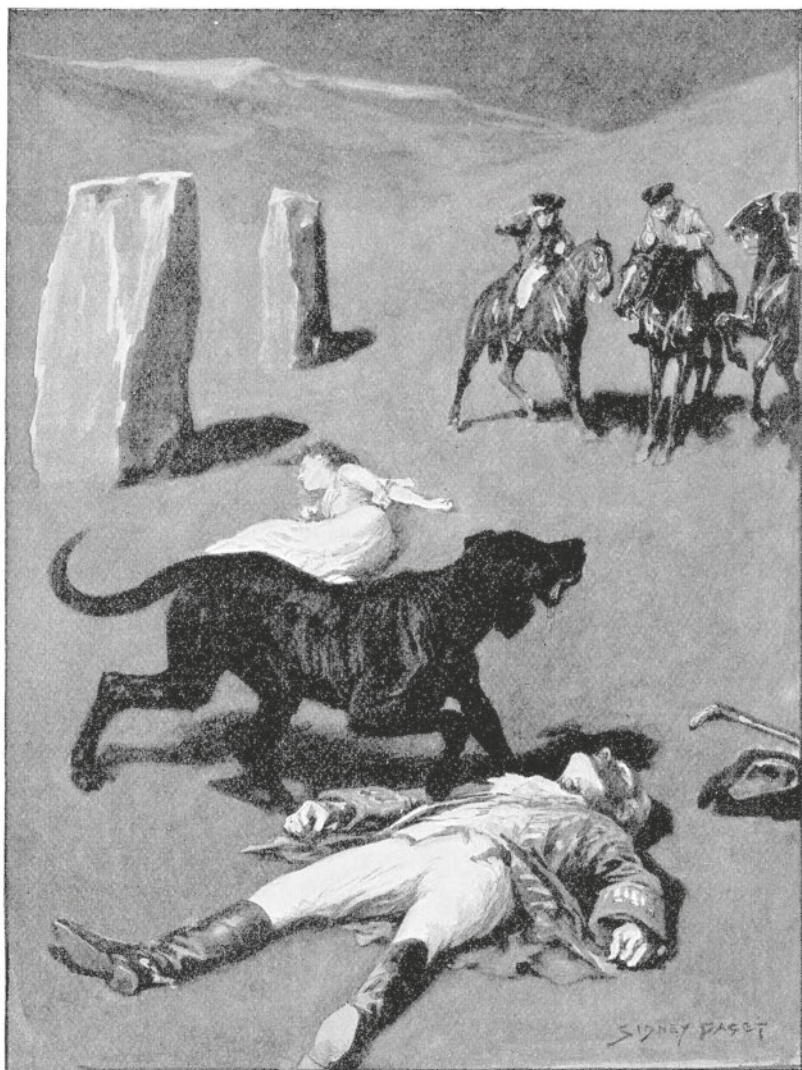
дьявол, и он стремглав слетел по лестнице в зал, вскочил, раскидывая бутылки и блюда, на пиршественный стол и перед лицом всей честной компании поклялся той же ночью отдать свое тело и душу силам зла, пусть только они помогут ему настичь беглянку. Гуляки застыли, пораженные его яростью, но один, то ли самый злонравный, то ли самый упившийся, крикнул, что надо пустить по следу собак. Хьюго ринулся за порог, крикнул слугам, чтобы седлали его кобылу и вывели наружу свору, дал собакам понюхать платок девицы и отправил искать след. С шумом и гамом понеслась погоня по освещенной луною пустоши.

Гуляки вначале растерялись, не понимая, отчего началась суматоха. Но скоро сквозь винный дурман до них дошло, что творится на пустоши. Все засуетились: кто требовал пистолет, кто — лошадь, кто — новую фляжку вина. Наконец в головах у них просветлело, и все, общим счетом тринадцать, вскочили на лошадей и пустились в погоню. В небе ярко светила луна, всадники во весь опор летели к ферме, куда наверняка должна была побежать девица.

К концу второй мили им попался на верещатниках ночной пастух, и они спросили, не встречал ли он погоню. Как рассказывают, тот едва шевелил языком от страха, но потом все же сознался, что видел несчастную девицу и собак у нее за спиной. „Но я видел и более того, — продолжил пастух. — Меня миновал Хьюго Баскервиль на своей вороной кобыле, а за ним гналась без звука собака — настоящее исчадие ада, спаси меня, Господи, от нее и помилуй!“

Осыпав пастуха бранью, хмельные сквайры продолжили путь. Скоро, однако, их бросило в дрожь, ибо по полю пронеслась галопом вороная кобыла: морда в мыле, поводья волочатся, седло пустое. Гуляк охватил великий страх, они сбились в кучу и не так торопливо, как прежде, поскакали дальше, хотя в одиночку каждый из них непременно поворотил бы назад. Наконец они настигли собаку. Породистые псы, славные своей храбростью, скулили и повизгивали на краю небольшой ложбины, какие у нас называют буераками. Одни держались поодаль, другие, щетинясь и пуча глаза, заглядывали вниз.

Преследователи остановились. Все они, само собой, успели немало протрезветь. Большинство отказывались стронуться с места, но трое самых храбрых — а может быть, самых упившихся — спустились в ложбину. Буерак вел к просторной площадке, где высились, да и высятся до сих пор, два больших камня, из тех, что остались от древнего забытого народа. Посередине этой голой площадки, под ярким светом луны, лежало тело несчастной девицы, испутив-

шей дух от страха и усталости. Но не эта картина и даже не тело Хьюго Баскервиля, простертое рядом, повергло в дрожь троих отчаянных бражников. Над Хьюго склонилась, терзая его глотку, гнусная тварь — подобие черной собаки, но такой громадной, какой ни один смертный никогда не видывал. Не переставая рвать клыками горло Хьюго, зверь уставил на них горящий взгляд и ощерился,

отчего все трое с воплями ужаса стремглав обратились в бегство. Говорят, той же ночью один из них, не вынеся пережитого, умер, а двое других до конца своих дней так и не пришли в себя.

Такова, сыны мои, повесть о пришествии собаки, которая, скажут, с тех самых пор безжалостно преследует наш род. И если я решил предать эту повесть бумаге, то потому, что лучше знать об опасности достоверно, чем по намекам и догадкам. Не стану отрицать, что многих наших предков смерть постигла внезапно, причем смерть кровавая и таинственная. Положимся же на беспредельную благодать Провидения и будем надеяться, что, как сказано в Святом Писании, кара Его коснется не более чем трех-четырех безвинных поколений. Итак, вверяю вас, сыны мои, Провидению, но прошу из осторожности помнить мой совет: не пересекайте пустошь в ночные часы, когда там пробуждаются силы зла.

(Написано Хьюго Баскервилем для сыновей его — Роджера и Джона, с наказом хранить сие в тайне от их сестры Элизабет)».

Закончив читать эту странную повесть, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и устремил взгляд на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и стряхнул в огонь пепел с папиросы.

- Ну и? — спросил он.
- По-вашему, это неинтересно?
- Интересно — для собирателей сказок.

Доктор Мортимер вытащил из кармана сложенную газету.

— А теперь, мистер Холмс, перейдем к событиям не столь давним. Это «Девон кантри кроникл» от четырнадцатого июня текущего года. Про смерть, несколькими днями ранее, сэра Чарльза Баскервиля — краткий пересказ установленных фактов.

Мой друг подался вперед, всем видом выражая внимание. Посетитель поправил очки и начал читать.

«Все графство скорбит по поводу внезапной кончины сэра Чарльза Баскервиля, которого не так давно называли возможным кандидатом от Либеральной партии в Мид-Девоне на ближайших выборах. Сэр Чарльз жил в Баскервиль-Холле сравнительно недолго, однако благодаря своей доброжелательности и редкостной щедрости завоевал симпатии всех, кто был с ним знаком. В наши времена нуворишей можно было лишь радоваться тому, как отпрыск древнего рода, знавшего лучшие времена, сумел нажить в чужих краях состояние, дабы на родине возродить былую славу семейства. Как известно, сэр Чарльз приобрел немалое богатство на спекуляции юж-